Перри Андерсон

ЗАМЕТКИ О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ[1]

Современный период — который на одном уровне можно отсчитывать от экономических и политических сдвигов на Западе в начале восьмидесятых, а на другом уровне — от краха советского блока десятилетием спустя, — по-прежнему приносит нам глубокие структурные изменения в мировой экономике и в международных отношениях. Вопрос о том, в чем именно они состоят и какими будут их последствия, все так же служит предметом дискуссий. Попыткам рассматривать эти изменения через призму текущих событий свойственны неустранимые изъяны. Поставив перед собой более узкую задачу — изучить политическую сцену после 2000 года — мы можем рассчитывать на более надежные результаты, но и в этом случае едва ли удастся избежать упрощений и необоснованных выводов. Разумеется, не свободны от них и нижеприведенные заметки. Больше похожие на рассуждения, чем на тезисы, они ждут поправок или опровержений.

I. ДОМ ГАРМОНИИ

После кровавых событий 2001 г. ключевое место на мировой политической сцене занимает Ближний Восток: «блиц» в Афганистане — зачистка Западного Берега — оккупация Ирака — кордон вокруг Ирана — новое вторжение в Ливан — интервенция в Сомали. Наступательные действия США в этом регионе постоянно фигурируют в заголовках и поляризуют общественное мнение как отечественное, так и международное. Их возможному влиянию на судьбу американской мощи и течение всемирной истории после окончания Холодной войны уже посвящена обширная литература. В самом американском истеблишменте распространены опасения перед возможным фиаско в Ираке, которое окажется еще более болезненным, чем вьетнамское. Однако к такой аналогии следует относиться с осторожностью. Унизительное военное поражение в Индокитае не привело к политическому ослаблению глобальной позиции Америки. Наоборот, оно сопровождалось настоящим тектоническим сдвигом в ее пользу, поскольку Китай де-фак-

1 Perry Anderson. Jottings on the Conjuncture. New Left Review 48, nov.–dec. 2007, p. 5–37

то превратился в союзника, а Советский Союз покатился к окончательному краху. Через десять с небольшим лет после бегства американского посла из Сайгона президент США прибыл в Москву как победитель. В современном Вьетнаме американские компании — такие же желанные гости, как и миссии Пентагона. Исторические аналогии в лучшем случае могут служить лишь намеками и нередко оказываются обманчивыми. Но подобные инверсии напоминают нам о тех контрастах, которые порой существуют между глубинами и поверхностью в океане событий.

1. Семь-восемь лет — слишком малый срок для того, чтобы промеривать его лотом. Но если мы все же предпримем такую попытку, что можно назвать в качестве основных событий? Самым главным, по любым меркам, будет явление Китая в качестве новой мастерской мира: речь идет не просто о стремительной экспансии грандиозной национальной экономики, но и о структурных перестановках на мировом рынке, которые своим глобальным размахом заставляют вспомнить скорее викторианскую Англию, нежели более местечковую роль Америки в эпоху «позолоченного века», а может быть, даже и в послевоенный период. Ускоренный рост китайской экономики имел три последствия. Внутри страны он привел не только к резкому усилению неравенства, но и к возникновению значительного среднего класса, который заинтересован в сохранении статус-кво, и к массовой идеологической убежденности, далеко выходящей за рамки среднего класса, в благотворности частного предпринимательства. В международном плане он бросил КНР в тесные объятия Соединенных Штатов, поскольку уровень экономической взаимозависимости у этих стран выше, чем у США с Японией. В глобальном плане он в последние четыре года помогал сохранять — или подхлестывал — мировой экономический рост, уровень которого поднялся к невиданным с шестидесятых годов показателям.

2. А что же Япония — по-прежнему вторая крупнейшая экономика капиталистического мира? После десятилетия падения и стагнации к ней наконец вернулся какой-то импульс — в значительной степени благодаря китайскому спросу, — благодаря чему своим уровнем роста в течение почти всего рассматриваемого периода она далеко обгоняла Европу. В политическом плане японская правящая партия пыталась перестроиться в более внятную неоконсервативную силу. Более явному правому курсу на внутреннем фронте соответствовал решительный поворот к более агрессивной внешней политике, созвучной Вашингтону: участие в иракской операции, усиление давления на Северную Корею, готовность выбросить пацифистские статьи из конституции. Эта линия, в настоящее время сдерживаемая потерей электоральной поддержки, не встречает последовательной альтернативы со стороны оппозиции, которая в значительной степени вырастает из той же самой матрицы.

3. Важнейшим европейским событием, затмившим все прочие процессы, стало расширение ЕС на восток. Успешная интеграция зоны Варшавского

договора в Евросоюз практически завершена, представляя собой впечатляющее достижение европейского капитала. Приватизация бывших социалистических экономик была проведена Брюсселем при внимательном надзоре за местными правительствами с целью удержать их в рамках западноевропейских норм. С другой стороны, в политическом плане расширение Евросоюза пока что не усилило, а лишь ослабило его, о чем свидетельствуют способность американцев мобилизовать на поддержку войны в Ираке не только новых, но и старых членов Союза, и последующий раскол между ними. ЕС представляет сейчас обширную зону свободной торговли, испещренную правительствами, которые образуют чуть более широкий политический спектр, нежели в США или в Японии, но не имеют серьезной внешней общей воли или внятного внутреннего вектора. Три ведущих континентальных государства вяло дрейфуют в сторону большего неолиберализма — речь идет о германской «Повестке дня-2010» Шредера, реформах Раффарена и их продолжении при Саркози во Франции и об итальянских программах Проди — но до британских «новых лейбористов» им еще далеко.

4. Россия стабилизировалась при неоавторитарном режиме, который финансируется мировым бумом потребления. Путинская система, менее зависимая от Запада, чем правительство Ельцина, имеет больший запас дипломатической свободы и меньше нуждается в симуляции демократических приличий. Такая Россия не вызывает к себе особой симпатии у западной печати и является более неуступчивым партнером для США и ЕС. Стараясь восстановить российское влияние в ближнем зарубежье, новый режим до сих пор тщательно следил за тем, чтобы не перечить воле Соединенных Штатов в серьезных международных вопросах, и представляет собой куда более серьезную основу для капиталистического развития, чем ельцинский режим, поскольку он не только избавился от всяких следов серьезного политического противодействия, но и достиг очень высокого уровня общественной поддержки, обеспечиваемого экономическим возрождением. До той популярности, которой Путин уже довольно долго пользуется внутри страны, далеко любому лидеру из основных стран мира. С учетом происходящей в стране демографической катастрофы и нищеты значительной доли ее населения это впечатляющее достижение.

5. Индийская экономика росла стабильно, хоть и далеко не такими темпами, как китайская. Сочетание намного более обширных слоев девственной нищеты с популярными электоральными предпочтениями до сих пор препятствовало сколько-нибудь серьезному неолиберальному повороту. Но сейчас в Индии существует крупный средний класс, который воспринимает западную культуру потребления и развлечений с еще большей готовностью, чем его китайский аналог; он-то и задает основное направление политики как партии «Бхаратия-Джаната», так и Индийского национального конгресса. Во внутреннем плане его чаяния все еще сковываются политическим весом электората из рядов низших классов, но во внешней политике

они находят выражение в отказе от нейтралитета в пользу усиливающегося идеологического, военного и дипломатического сближения с США. Сопротивление этой тенденции со стороны парламентариев способно лишь замедлить ее, но едва ли в состоянии придать ей иное направление.

6. В Бразилии впервые в истории страны президентом избран представитель рабочей партии, которая, подобно российскому режиму, держится на плаву за счет всемирного потребительского бума. Новый президент укрепляет свою избирательную базу путем создания рабочих мест и мер по повышению дохода бедных семей, но в других отношениях почти ни в чем не отклоняется от неолиберальной политики своего предшественника, проводившейся по требованию МВФ. Сохраняется традиционный уровень коррупции, не влияющий на электоральные рейтинги. В международном плане самой заметной внешнеполитической инициативой страны была поддержка франко-американской интервенции на Гаити в надежде (как оказалось, тщетной) взамен получить постоянное место в Совете Безопасности вместе с Японией, Германией и Индией. В региональном плане Бразилия уделяет меньше внимания углублению торговой интеграции в Латинской Америке, чем изменениям правил ВТО в свою пользу.

7. А что же сами США? Избранная в 2000 г. республиканская администрация провела несколько последовательных налоговых сокращений, которые еще сильнее обострили регрессивное распределение богатства и налогов, наблюдавшееся в стране со времен Рейгана. Законы о банкротстве были изменены в пользу кредиторов, надзорные органы лишились былой власти. Верховный суд стал на один голос более консервативным. В иных отношениях, несмотря на риторику праворадикального толка, внутренние достижения — в области общественной безопасности, здравоохранения, образования, банковского дела и охраны окружающей среды — оказались невпечатляющими. Темпы экономического роста и создания рабочих мест остались практически на прежнем уровне. Не случилось и в перспективе не намечается никаких структурных изменений, сопоставимых с отменой закона Гласса-Стигалла и традиционных принципов социального обеспечения при администрации Клинтона — если угодно, даже «Медикэр» и закон Сарбэйнса-Оксли можно назвать скорее провалами, чем достижениями. Гражданские свободы были сильно урезаны «Патриотическим актом», однако на двухпартийной основе и в гораздо меньших масштабах, чем при Вильсоне. Институциональные сдержки и противовесы, а также электоральный прагматизм не позволяли Белому дому развернуться на внутреннем фронте в условиях, когда избирательные блоки, выстраивающиеся на основе «ценностных» повесток дня, сохраняли равный вес. Вследствие поражения республиканцев во время президентства Буша в 2006 г. серьезного правого сдвига центра тяжести американской политики при нем так и не произошло. В порядке компенсации активность администрации Буша по стандартному шаблону американской политики после 1945 г. сосредоточилась на зарубеж-

ном направлении: действия США на Ближнем Востоке вызвали международный фурор, породив хорошо известные страхи как по поводу неприкрытого строительства Американской империи, так и ее опасного упадка.

8. На долю Китая, Японии, ЕС, России, Индии, Бразилии и США совместно приходится более половины населения мира и 80 процентов глобального ВВП. Если двойной целью американской внешней политики со времен Второй мировой войны являлись экспансия капитализма до крайних пределов Земли и сохранение верховенства США в рамках всемирной системы международных отношений — причем вторая цель рассматривалась как условие для реализации первой — то как в этом свете оценить первые годы XXI столетия? Исключительно высоко, если речь идет о расширении и углублении царства капитала. Финансовые рынки развивались за счет прежних форм трансграничных социальных и экономических взаимоотношений. Вне зависимости от того, какие партии находятся у власти — будь то Компартия, либеральные демократы, голлисты, новые лейбористы, «Единая Россия», Национальный конгресс, Рабочая партия или республиканцы — повсюду продвигался один и тот же базовый набор прав собственности и соответствующих политических мер. Этот процесс шел с разной скоростью и находится на разных этапах, но не встречает серьезных контрмаршей в противоположном направлении. Напротив, поскольку всемирная торговля в своем развитии по-прежнему обгоняет мировой экономический рост, взаимозависимость всех крупнейших капиталистических экономик, завязанных друг на друга, непрерывно усиливается.

9. Подведем итог в политическом плане. По сути, на наших глазах возникает — пусть это лишь самые первые шаги — современный аналог европейского «концерта держав», сложившегося после Французской революции и наполеоновских войн. Имеется в виду постоянное повышение уровня формальной и неформальной координации с целью поддержания стабильности установившегося порядка, сопровождающегося традиционной борьбой за преимущества в рамках его параметров, которые не вызывают радикальных разногласий. Совет Безопасности с его решениями является ключевой ареной этого процесса, в настоящее время ярко выраженного в коллективных резолюциях по Ирану. Впрочем, налицо одно крупное различие между «концертом держав», который стал итогом Венского конгресса и его аналогом, возникшим после визита Никсона в Китай и Парижского конгресса. На этот раз всю систему скрепляет одна-единственная сверхдержава, с чьим положением не сравнится ни одна другая страна. В дни Меттерниха и Каслри в мире не имелось гегемона, сопоставимого с Америкой. США со своей крупнейшей в мире экономикой, финансовыми рынками, резервной валютой, вооруженными силами, базами по всему земному шару, индустрией культуры и языком международного общения могут распоряжаться такими активами, которых нет и очень долго не будет ни у одного другого государства. Другие державы смирились с асимметричностью своих позиций и стараются не разрушать расстановку сил,

когда речь идет о вопросах, имеющих стратегическое значение. Как правило, конфликты связаны исключительно с мелкими коммерческими вопросами — «Эйрбас», Доха и т. п. — в которых можно зайти в тупик именно из-за незначительности ставок, или с промежуточными зонами, в которых перекрываются геополитические амбиции — такими как Кавказ, Балтика, Туркестан. Другие крупные державы практически не пытаются создать традиционный противовес Соединенным Штатам, причиной чему служат как высокий уровень взаимозависимости, привязывающий их интересы к экономике США — немыслимый в начале XIX века, — так и общая заинтересованность в роли Вашингтона как полицейского в менее стабильных регионах мира, поскольку эту затратную и порой рискованную задачу обычно стараются взвалить на чужие плечи. Таким образом, в то время как относительный вес Америки в глобальной экономике однозначно снижается вследствие стремительного возвышения альтернативных капиталистических центров силы, политическое влияние США в тесно взаимосвязанной вселенной прибылей и привилегий, все элиты которой считают себя соучастниками «международного сообщества», по-прежнему далеко превосходит влияние любого другого государства.

10. Такая конфигурация не избавляет систему от внутренних трений. Россия и Китай не желают, чтобы США приобрели слишком большое влияние в Средней Азии или чересчур агрессивно зажимали в угол Иран. Индия настороженно относится к покровительственным связям США с Пакистаном. ЕС носится с идеей о собственных силах быстрого развертывания. Лидерство Америки накладывает на ее партнеров ряд непроизводительных издержек, величина которых едва ли уменьшится. Но именно отсутствие автоматического совпадения между частными интересами США и общими интересами системы и требует наличия сознательно управляемого «концерта держав», необходимого для сглаживания напряжений между ними. Это сглаживание никогда не станет абсолютным, а его механизмы еще нуждаются в окончательной формализации: давление и встречное давление взаимно переплетаются в рамках процесса торга, который заставляет с собой считаться даже при неравенстве сил у торгующихся. Однако к настоящему моменту дыры и шероховатости в системе еще не представляют сколько-нибудь серьезной угрозы для зарождающейся легитимности «международного сообщества» как симфонии глобального капиталистического порядка, пусть даже во главе с довольно эксцентричным дирижером.

При наличии подобного «концерта» можно ожидать, что благодаря всеобщему переплетению финансовых и товарных рынков уровень межгосударственных отношений в постядерную эпоху останется ниже порога антагонизма, определяемого согласно классической теории противоречий. Из этого не следует, что все главные державы являются в равной степени капиталистическими. Экономические и политические отклонения России и Китая от западных норм представляют собой остаточную помеху, препятствующую гладкому функционированию системы. Запад делает ставку на то, что новый подъем этих стран к статусу мировых держав будет сопровождаться

эволюцией в сторону свойственных ему, Западу, форм. После этого, исходя из уверенности в аналогичных принципах бытия, можно будет благодушно смириться даже с превосходством в силе — состоянием, к которому в один прекрасный день неизбежно придет Китай. Самые вменяемые теоретики американского империализма, вполне отдавая себе отчет в том, что превосходство США и всемирная либеральная цивилизация не являются логически взаимозависимыми явлениями, спокойно и недвусмысленно предсказывают исчезновение первого, как только оно выполнит свою миссию по обеспечению второго — согласно одной из наиболее взвешенных оценок, это может случиться в пределах нашего поколения.

11. В этих условиях республиканская администрация придерживается в целом того же направления работы, что и предшествующие. Самым существенным моментом стал разворот американской политики в сторону двух важнейших антагонистов США в эпоху Холодной войны — Китая и России, причем обе эти страны были без малейшей заминки приняты в «концерт держав»: они получают инструктаж или содействие в построении рыночной экономики — чем нередко занимаются обученные в США должностные лица; уважаются их наиболее чувствительные местные интересы (Тайвань, Чечня); они допущены к участию в церемониалах глобального масштаба (Петербургский саммит, олимпиада в Пекине и т. д.). Даже при наличии разногласий — например, по поводу китайского юаня или размещения ракет в чрезмерной близости от Москвы, — последние до сих пор не выходили из-под контроля. В то же время никогда прежде не были столь тесными связи США с Японией. Заключен новый союз с Индией, почти не наблюдается трений с Бразилией, за исключением стычек по вопросам торговли, не имеющих особых последствий в сфере высокой политики. Европейское общественное мнение, более чувствительное к стилю, чем к существу, раздражено откровенным отказом Буша подписывать Киотский протокол и участвовать в работе Международного уголовного суда, в то время как Клинтон просто старался спустить эти вопросы на тормозах. Но в самых существенных делах администрация Буша записала в свой актив много достижений, не только содействуя расширению ЕС вслед за восточной экспансией НАТО, но и добившись того, чтобы присоединение Турции к Европе стало для Брюсселя приоритетным вопросом на ближайшие годы. В Европе, как и в Японии, Китае, Индии, России и Бразилии, американская стратегия с момента окончания Холодной войны сохраняла если не риторическую, то структурную преемственность.

ЗАПАД ДЕЛАЕТ СТАВКУ НА ТО, ЧТО НОВЫЙ ПОДЪЕМ ЭТИХ СТРАН К СТАТУСУ МИРОВЫХ ДЕРЖАВ БУДЕТ СОПРОВОЖДАТЬСЯ ЭВОЛЮЦИЕЙ В СТОРОНУ СВОЙСТВЕННЫХ ЕМУ, ЗАПАДУ, ФОРМ

II. ДОМ ВОЙНЫ

На этом фоне резко выделяется театр военных действий на Ближнем Востоке. Здесь и только здесь республиканская администрация явственно порвала с традициями глобальной практики США, принятыми с момента окончания Холодной войны, если не Второй мировой войны, оттолкнув от себя основных европейских союзников не только стилем, но и суровой сущностью своей работы: война в Ираке считается в странах Евросоюза предприятием не только необоснованным, но и чрезвычайно опасным для всего Запада, при том что европейцы рискуют не меньше, а то и больше американцев. Практически все обозреватели в Европе, не говоря уже о многих их коллегах в самих США, сейчас рассматривают эту войну как абсолютно иррациональную аберрацию, порождение либо узкоместнических интересов (нефтедобывающих компаний или распоясавшихся корпораций), либо ненормальных идеологических фанатиков (неоконсервативной каббалы) из Вашингтона. Но если во всех остальных частях света республиканская администрация более-менее рационально применяет средства, соответствующие целям, то объяснение данного фиаско должно логически начинаться с Ближнего Востока, а не с Соединенных Штатов. И в первую очередь следует задаться следующим вопросом: в чем заключаются особенности этого региона, способствующие проведению в отношении него аномальной политики?

1. Очевидно, что колоссальные запасы нефти в этом регионе уже давно превратили его в область первоочередных стратегических интересов США. Но поставкам нефти в Америку никто непосредственно не угрожал ни в момент вторжения в Ирак, ни когда-либо раньше. Весь нефтеносный Аравийский полуостров находится под контролем стран-клиентов США, и даже непосредственный захват иракских нефтеносных полей — безусловно фигурировавший в расчетах при планировании вторжения — в лучшем случае лишь несущественно улучшил энергетическую позицию Америки[2]. В смысле своего влияния в ОПЕК баасистский режим к 2002 г. представлял собой не больший, а фактически намного меньший источник раздражения для Вашингтона, нежели Иран или Венесуэла. Однако предыдущая попытка Ирака аннексировать Кувейт вызвала неподдельную тревогу, поскольку в таком случае Ирак мог превратиться в более крупного производителя нефти, чем сама Саудовская Аравия, а заодно стать более серьезной военной державой. Поэтому начиная со времен Клинтона американская политика — при поддержке Европы — всегда сводилась к тому, чтобы уничтожить Саддама путем блокады, бомбардировок, переворота или убийства. Неизменное отсутствие успехов в этих начинаниях, неизбежно влекущее за собой раз-

2 Как намекал Гринспен, размерам неизученных нефтяных запасов Ирака, неизвестно во сколько раз перекрывающим величину нефтедобычи в этой стране, могло придаваться большее значение при стратегических расчетах на долговременную перспективу.

мышления о необходимости более решительных мер, представляло собой еще один фрагмент того фона, на котором произошло вторжение. Американский истеблишмент единодушно сходился на том, что Ирак остается нерешенной проблемой, а его режим бросает вызов, с которым не готова смириться ни одна администрация США, и который все они пытались тем или иным образом устранить.

2. Таким образом, сухопутное вторжение затевалось не на пустом месте. По сути оно являлось переходом на новый уровень тех военных операций, которые более или менее непрерывно велись в Ираке с 1991 года. В этом смысле речь шла не о «начале войны» в обычном понимании этого термина историками, а об «эскалации» вооруженных столкновений, по стандартам международного права тянувшихся более десятилетия. Тезис о неожиданном отходе от прежних норм окажется оправданным лишь при занижении уровня насилия, направленного на Ирак и его население во времена Буша-старшего и Клинтона. После американского вторжения в Ираке погибло больше людей, чем до 2003 года, но не в разы: эта величина осталась на уровне в несколько сотен тысяч человек. Безнаказанность на первом этапе вторжения — который согласно классической военной терминологии представлял собой разновидность Ermattungsstrategie — обеспечивалась устранением какого-либо советского противодействия в данном регионе[3]. Безнаказанность на втором этапе — при переходе к Niederwerfungsstrategie — как считалось, могла быть обеспечена «революцией в военном деле» (РВД), то есть применением электронной войны и систем точного наведения. Почти не потребовавший усилий блицкриг Клинтона в Югославии и почти бескровный десант Рамсфельда в Афганистане породили веру в то, что РВД может все. Такие настроения были особенно характерны для «ястребов»-республиканцев, но разделялись не только ими: не кто иная, как Олбрайт, задавалась вопросом, какой смысл содержать самую сильную армию в мире, если она не используется.

3. Однако подобные соображения всего лишь объясняют, почему Ирак на десятилетие стал предметом непрерывного беспокойства для Вашингтона и почему нападение на эту страну могло восприниматься как проект, не влекущий за собой непропорциональный риск. Они не объясняют, с какой стати администрация Буша, даже допустив ошибку в расчетах, могла затеять войну, против которой выступали два основных европейских союзника США и заметное меньшинство американской элиты, и которая настолько расходилась с традиционными принципами американской политики в других регионах мира. Все это можно понять лишь с точки зрения психо-

3 Ermattungsstrategie — стратегия истощения; Niederwerfungsstrategie — стратегия разгрома: термины, сформулированные германским военным историком Гансом Дельбрюком в десятилетие после Франко-Прусской войны. Об их применении в политике см. ‘The Antinomies of Antonio Gramsci’, nlr 1/100, November — December 1976, pp. 61–70.

логических последствий 11 сентября. Атака на Башни-Близнецы и на Пентагон способствовала национальной мобилизации, которая стояла за наступлением на Ближнем Востоке и почти сразу же привела к молниеносному покорению Афганистана, вызвавшему почти единодушные рукоплескания и внутри страны, и в международном масштабе. Однако после того как пал Кабул, в глазах общественного мнения не осталось никаких разумных оснований для марша на Багдад при отсутствии какой-либо связи между «Аль-Каидой» и баасистами. Поэтому для обоснования иррационального предприятия пришлось выдумать предлог — ОМП.

4. Впрочем, в историческом плане случайная иррациональность — как правило, принимающая форму беспричинного и в то же время фатального решения, наподобие объявления Гитлером войны США в 1941 г. — почти всегда оказывается порождена какой-то более общей структурной иррациональностью. Так обстояло дело и с операцией «Свобода Ираку». Попросту говоря, реальность была — и остается — такой: Ближний Восток является таким регионом мира, в котором политическая система США в ее нынешнем состоянии *неспособна* действовать в соответствии с рационально вычисленными национальными интересами, поскольку она руководствуется иными, привходящими интересами. В глазах арабского и вообще исламского мира позиция США скомпрометирована крупномасштабной и демонстративной поддержкой, оказываемой Израилю. Последний, получивший в этом регионе репутацию государства-хищника, которое не могло бы сорок лет безнаказанно существовать без колоссальных поставок оружия и денег из Америки, стал объектом всеобщей ненависти вследствие гонений на палестинцев и экспроприации их земель. Отсюда логически вытекает, что Америку ненавидят по той же самой причине. Нападение «Аль-Каиды» на Америку замышлялось именно в этом контексте. Если придерживаться рациональных соображений, то с точки зрения американской мощи Палестинское государство — немногим большее, нежели бантустан — не представляло бы никакой угрозы и могло быть создано в любой момент за прошедшие полвека: для этого достаточно было прекратить оказывать помощь Израилю долларами, стволами и различными вето. Причина, почему этого так и не произошло, совершенно очевидна. Эта причина — крепкое израильское лобби в американской политической системе и СМИ, за которым стоит могущественная еврейская община в США. Это лобби не только искажает «нормальный» процесс принятия решений на всех уровнях, затрагивающих Ближний Восток. До недавнего времени его нельзя было даже упоминать ни на одной из мейнстримных дискуссионных арен (да и сейчас эти упоминания встречаются лишь спорадически): такое табу, наряду с прочими подобными сдержками, вливало дополнительную мощную дозу иррациональности в процесс формирования американской политики в данном регионе[4].

4 Этот круг молчания наконец разорван выдающейся работой Джона Миршеймера и Стивена Уолта: сперва появилось их эссе: John Mearsheimer and Stephen Walt,

5. Захват Ирака следует рассматривать именно в этом изменчивом контексте. Ведущие республиканские силы еще с конца девяностых настаивали на более решительных мерах в отношении Ирака. Однако новоизбранная администрация Буша одновременно с этим критиковала неразборчивость заграничных интервенций Клинтона, не проявляла особого интереса к доктринам о правах человека и в первые месяцы своей работы практически не выступала с серьезными международными инициативами. К повышенной активности ее резко пробудили теракты 11 сентября. Именно они позволили превратить войну по свержению Саддама Хуссейна, которую иначе было бы затруднительно навязать американским избирателям, в предприятие, пользовавшееся почти единодушной поддержкой Конгресса. Но и события 11 сентября, так же как и последующее вторжение в Ирак, не произошли беспричинно[5]. Можно сказать, что вместе с ними структурная иррациональность действий Америки на Ближнем Востоке ударила по ней самой. Десятилетия поддержки израильского экспансионизма никогда не соответствовали каким-либо рациональным интересам американского капитала как такового, являясь всего лишь следствием решающего влияния израильского лобби — в последнее время получающего поддержку от христианских фундаменталистов — на региональную политику Вашингтона. В историческом плане покровительство Израилю никогда не влекло за собой никакой расплаты в пределах США. 9 сентября в конце концов стало такой расплатой — у «Аль-Каиды» не только не было иных мотиваций для нападения; трудно себе представить, чтобы в противном случае оно вообще состоялось: в первом публичном заявлении Бен Ладена, сделанном семью годами ранее, судьбе Палестины уделялось больше внимания, чем какому-либо иному вопросу, включая даже присутствие войск США в самой Саудовской Аравии[6]. Едва удар был нанесен, он сразу же вызвал всеобщее стремление отомстить, которое могло лишь усугубить предыдущую иррациональность — и администрация Буша на волне очевидного триумфа в Афганистане с легкостью перевела стрелку на Ирак.

«The Israel Lobby», *London Review of Books*, 23 March 2006; а затем и книга: *The Israel Lobby and* us Foreign Policy, New York 2007. См. также хорошо документированное исследование: Michael Massing, «The Storm over the Israel Lobby», *New York Review of Books*, 8 June 2006. Разительный контраст этим трудам составляет общая трусливость американских левых, особенно склонных подчеркивать роль своего пугала — правых христиан — как более приемлемого козла отпущения, несмотря на то, что на последних со всей очевидностью возлагалась задача сил быстрого реагирования. Израильские политики не страдают от такой скромности; Ольмерт откровенно называл «еврейские организации» нашей «силовой базой в Америке»: *Financial Times*, 30 November 2007.

5 Через несколько дней после теракта Фредрик Джеймсон выразился таким образом: «Исторические события не пунктуальны; они растягиваются в промежутке до и после данного момента, раскрываясь лишь постепенно»: *London Review of Books*, 4 October 2001. Его полную аргументацию см.: Fredric Jameson, 'The Dialectics of Disaster', *South Atlantic Quarterly*, Spring 2002, pp. 297–304.

6 См. Bruce Lawrence, ed., *Messages to the World: The Statements of Osama Bin Laden*, London and New York 2005, pp. 9–10.

6. Нет ничего удивительного в том, что израильский истеблишмент и его американское крыло призывали к нападению на Ирак — давнего врага, который пытался обстреливать Израиль ракетами во время войны в Персидском заливе. Впрочем, как таковой это был не более чем побочный фактор, стоявший за вторжением в Багдад (хотя если бы Израиль выступал против этой войны, она бы наверняка никогда не состоялась). Подобной прямой причинности и не требовалось. Скорее дело в том, что на Ближнем Востоке любой нормальный процесс определения целей и средств был уже настолько искажен несоответствием между показными и реальными детерминантами американской внешней политики, что всегда приходилось считаться с вероятностью необоснованной авантюры того или иного сорта. Пока Вашингтон остается повязан с Тель-Авивом, у первого буквально не имеется возможности для рационального применения американской мощи по стандартным правилам. В данном случае выживание баасистского режима — по причинам, не имевшим особого отношения к Израилю — представляло собой давний вызов американскому истеблишменту как таковому, а под рукой имелось высокотехнологичное оружие для устранения этого вызова. В таких условиях вся операция проходила под лозунгом «А почему бы нет?» В атмосфере, сложившейся после 11 сентября, нападение на Ирак стало делом обеих партий, заранее получившим одобрение в Конгрессе, в отличие от войны в Персидском заливе, которая расколола общественное мнение.

7. Еще одним последствием израильского влияния на американскую ближневосточную политику стал барьер между политиками в Вашингтоне и населением этого региона, оставивший арабские массы за пределами той сферы, на которую проецируется культурная мощь Америки. Ни одна из стран этого региона не является либеральной демократией — политической системой, наиболее легкой для проникновения и обычно становящейся самой надежной опорой для Вашингтона. Тем не менее немногие режимы оказались более верными сателлитами США, нежели разнообразные племенные монархии этого региона или египетская диктатура. Однако все эти государства сталкиваются с проблемой: каким образом согласовать свою лояльность Америке с возмутительным поведением Израиля, который получает от Америки помощь оружием и деньгами и находится под ее защитой? Как правило, они пытаются уберечься от народного гнева, позволяя государственным СМИ изливать потоки обличений в адрес США: так в этих странах создается атмосфера, в которой американским культурным и идеологическим институтам очень трудно работать в открытую, а американской разведке затруднительно получить точное представление о подспудных процессах в этих обществах. Отсюда и шок в Вашингтоне, когда выяснилось, что большинство участников терактов 11 сентября были саудовцами. При отсутствии возможностей применения в этом регионе разумных дозировок «мягкой» силы у Америки — когда она сталкивается с противодействием (в данном случае в лице Багдада) — возникает искушение слепо или импульсивно прибегать к «жесткой» силе в надежде взломать общества, доселе закрытые для запад-

ных обещаний. Таков еще один ингредиент в той микстуре амбиций, которые привели к нападению на Ирак.

8. Наконец, разумеется, не только нефть и Израиль, но еще и религия вырывает Ближний Восток и примыкающие к нему зоны из стабильной ойкумены американской гегемонии. Не то что бы ислам, даже в самых непреклонных формах, не оказался несовместим с полным подчинением Америке на уровне режима, как демонстрирует история Саудовского королевства. Однако на социальном и культурном уровне ислам остается самым мощным барьером на пути идеологической победы американского образа жизни. Более того, ислам как вера сохраняет в себе направленный политический заряд, ведь с учетом давней истории враждебности между христианским миром и Уммой — своей продолжительностью намного превышающей претензии на их дружественное сосуществование — было бы удивительно, если бы в народной памяти не сохранились серьезные следы этих конфликтов, резко усугубленные современным опытом англо-французского колониального правления. Начиная с 70-х гг. неудачи арабского национализма вдохнули в них новую жизнь, заменив антиимпериалистические настроения вновь вспыхнувшим религиозным фанатизмом, целью которого в равной степени являются и «крестоносцы, и евреи», и американцы, и израильтяне. Поскольку в исламском мире до сего момента существовала лишь очень слабая традиция перетолкования оригинальных писаний — как неверно интерпретировавшихся, имеющих лишь метафорическое значение, нуждающихся в обновлении и т. д. — такого рода, какая уже давно вошла в привычку у христиан и евреев, то буквальное прочтение Корана обладает гораздо большей моральной силой, чем то же самое в отношении Библии или Торы. А так как Магомет однозначно предписал вести джихад против неверных, захвативших святые места, то современный салафизм — невзирая на всевозможные попытки западных или прозападных комментаторов эвфемистически прочитывать слова пророка — имеет надежную опору в виде священного текста, как бы ни смущал этот факт умеренное большинство мусульман. В итоге мы имеем готовый, хотя и не бездонный, источник молодых, фанатичных бойцов с «глобальным неверием», которые сделали реальностью столкновение цивилизаций на Ближнем Востоке — не существует буквально никаких точек соприкосновения между их видением мира и тем, каким этот мир представляется вторгшимся в него западным пришельцам.

9. Таким образом, нагнетание напряженности перед вторжением в Ирак происходило в зоне, непроницаемой для нормальных расчетов американских планировщиков, что неизбежно влекло за собой риск промашки. Но нападение на Ирак было не внезапным выпадом Вашингтона, а порождением давнего и искаженного имперского силового поля на Ближнем Востоке, чья иррациональность в отношении американского капитализма в конечном счете обернулась против него бумерангом 11 сентября, выведя спираль иррациональности на новый виток, поскольку американская политическая система не позволяла ни публично обсуждать причины 11 сентяб-

ря, ни тем более искоренить их. В конечном счете Пентагон не ошибался, считая, что Багдад удастся захватить, свергнув режим Саддама, за несколько дней при минимальных потерях со стороны США. Что не учитывалось в этих прогнозах — но в данном случае большинство критиков этой войны, недооценивая социальную базу баасистского режима (и я среди них), ошибались точно таким же образом — так это масштабы и скорость, с которой в стране развернулась эффективная партизанская война[7]. Чуть больше чем через два месяца после падения Багдада националистическая герилья, возглавляемая уцелевшими представителями баасистского офицерского корпуса, совместно с религиозными фанатиками, вдохновлявшимися салафизмом, переросла в сопротивление захватчикам, которое более четырех лет наносит тяжелые удары по боевому духу оккупационных армий и сеет панику в рядах коллаборционистов. Ирак превратился в ключевую арену современного мира, на которой ведется вооруженное сопротивление американской мощи, черпающее поддержку своей борьбе в самих США.

10. Но даже если сейчас Вашингтон, как считает большая часть его собственного истеблишмента, увяз в иракской трясине, то катастрофическое падение престижа США на Ближнем Востоке все равно кажется маловероятным — в частности, из-за того, что оккупация Ирака подтолкнула шиитскую и суннитскую общины к еще более свирепому противоборству, чем когда-либо прежде, повышая вероятность того, что с заморской экспедицией покончит скорее гражданская война, чем патриотическая победа — и тем самым нейтрализуя любые серьезные последствия изгнания захватчиков. Более того, при всей ожесточенности сопротивления оно не предлагает никакой социальной или политической альтернативы тому направлению, в котором сейчас движется мир в целом. Наконец, ни один из других бастионов американской мощи в данном регионе не был ослаблен этим конфликтом. Все клиентские режимы Америки непоколебимо хранят ей верность: с одной стороны, это длинная цепочка стран, протянувшихся от Марокко до Египта; с другой — весь Аравийский полуостров, а за ним Пакистан — краеугольный камень американской системы на Востоке. Пока эти столпы остаются непоколебимыми, хаотический и расколотый Ирак — охваченный сетью огромных военных баз, строительство которых ведется в стране, не говоря уже о штабных структурах

7 См. мнение Али Аллави, министра финансов Ирака, во время американской оккупации, совсем не склонного преуменьшать тиранический характер прежнего режима: «В партии Баас к моменту свержения режима насчитывалось более двух миллионов членов. Но это ни в коем случае не были исключительно или хотя бы в основном арабы-сунниты. Во всей партийной структуре были хорошо представлены шииты, туркмены и даже отчасти курды» — хотя, разумеется, «в верхних эшелонах партии, в ее ключевых кадровых органах и в структурах безопасности находилось непропорционально много арабов-суннитов». И далее: «Недостаточно ставить знак равенства между эпохой нахождения баасистов у власти и бедствиями, выпавшими на долю Ирака. Партия Баас переродилась в нечто совершенно иное. Она превратилась в символ, за которым скрывалась более сложная система приверженностей»: Ali Allawi, *The Occupation of Iraq*, New Haven 2007, pp. 148–9.

Центрального командования США в Катаре и Кувейте — может быть предоставлен своей участи, при условии непрекращающейся нефтедобычи[8]. Любые радикальные перемены в Пакистане, разумеется, изменят баланс сил в регионе, и не в последнюю очередь в Афганистане, где местная герилья, начавшаяся более вяло, чем в Ираке, постепенно набирает обороты. Однако давнее корпоративное единство пакистанской армии, крепко держащей в своих руках страну, невзирая на внутренние сотрясения и спазмы, присущие номинальной гражданской власти, делает неприятные сюрпризы маловероятными.

11. Очевидно, что джокером в региональной колоде остается Иран. Пока Америка пытается установить порядок в Ираке, иранский клерикальный режим, выступавший союзником США при свержении талибов и баасистского режима, предлагает Вашингтону всеобъемлющее урегулирование важнейших проблем, являющихся источником разногласий между ними. Могущественные силы в Тегеране, стремящиеся к взаимопониманию с Большим Сатаной — муллы-миллионеры, базарные торговцы, вестернизированные специалисты, студенты-блоггеры — еще не оставили своих надежд и по-прежнему призывают организовать местный эквивалент визита Никсона. Однако после 2003 г. условия существенно, пусть и не диаметрально, изменились. Народное восстание против материально более обеспеченных классов привело к избранию менее сговорчивого президента, склонного придавать несколько большее значение давней риторике иранского режима как внутри страны, так и за границей. Ускорилось движение в сторону заветной цели националистов — создания ядерного комплекса, чему различные прозападные группировки не в состоянии оказать серьезное противодействие. Ни одно из этих явлений не представляет серьезной угрозы для Соединенных Штатов. Но в данном отношении Израиль оказывает на американскую региональную политику большее давление, чем в случае Ирака: Тель-Авив требует, чтобы Иран прикрыл свою ядерную программу. В настоящий момент США при полной поддержке своих европейских союзников воспроизводят первую фазу своего нападения на Ирак — Ermattung вместо Niederwerfung, — надеясь санкциями привести Тегеран в чувство. В Ираке такая стратегия провалилась, но в отношении Ирана можно рассчитывать на наличие внутри страны отзывчивых партнеров, не менее чем США, заинтересованных в том, чтобы устранить президента и опеку Верховного Вождя.

12. От израильского бремени Америке никуда не деться. В краткосрочной перспективе Вашингтон может надеяться, что Армия обороны Израиля достаточно потрепала «Хезболлу» — для того чтобы в Южном Ливане могли неопределенно долго находиться турецкие или французские войска, выполняя функцию израильской пограничной стражи, — и «Хамас» — для того,

8 Весьма убедительное, пусть даже поданное в ироническом ключе, обоснование того, что подобный вариант мог бы стать оптимальным выходом для США, см.: Jim Holt, 'It's the Oil! ', *London Review of Books*, 18 October 2007.

чтобы Аббас оказался в состоянии подписать какую-нибудь окончательную капитуляцию от имени разделенного мини-государства за тюремными стенами. В данном отношении США могут полагаться на ЕС, поскольку Европа — расколотая на уровне правительств по иракскому вопросу, но на народном уровне в основном враждебно относящаяся к вторжению — всегда сохраняла единство в том, что касается солидарности с Израилем: не из-за влиятельности местной еврейской общины, как в случае США, а из-за исторической вины перед евреями. С большей готовностью обличая на словах отдельные акты жестокости со стороны израильской армии, на деле Европейский союз практически неизменно следует за США — лишив помощи палестинское население, чтобы наказать его за симпатии к «Хамас», и стакнувшись с Израилем в отношении нового вторжения в Ливан. Совместно Европа и Америка без всякого труда обеспечат санкцию «международного сообщества» на любое решение, которое Израиль в конце концов примет в отношении палестинцев. Другие державы — Китай, Россия, Япония, Индия, Бразилия — не проявляют особого интереса к Ближнему Востоку; эти страны почти не учитывают его в своих планах при условии спокойствия на нефтяных рынках. Но сможет ли такой вариант в дальней перспективе успокоить гнев арабских масс — это, разумеется, совсем другой вопрос.

III. ОППОЗИЦИЯ

Если примерно так выглядит двухзональная карта современного распределения сил, то каковы же силы оппозиции — если они есть — и где они находятся? Эта оппозиция вынужденно не будет никакой иной, нежели «антиамериканской», иначе говоря, враждебной к дальнейшему пребыванию США в роли мирового гегемона. Но антиамериканизм как таковой — недостаточная платформа для противодействия той *системе*, которую США в одно и то же время гибко контролируют и жестко обороняют. Любой честолюбивый центр силы может выжидательно занимать первую позицию, не имея ни малейшей склонности к переходу на вторую. Только их сочетание свидетельствует о реальном сопротивлении — либо потенциальном, либо актуальном. Если взять такое двойное отрицание в качестве критерия, то что нам может предложить современная сцена? Два самых очевидных региона, подлежащих рассмотрению — это Европа и Латинская Америка: первая является родиной рабочего движения как современного феномена — в Великобритании, Франции, Германии, Италии, Скандинавии и других странах; вторая представляет собой единственную часть света с непрерывной историей радикальных восстаний в течение всего XX века, начиная от мексиканской революции перед Первой мировой войной и кубинской революции после Второй мировой войны, и заканчивая — уже после Холодной войны — современными венесуэльскими и боливийскими событиями.

1. Неслучайно именно эти два региона дали жизнь Всемирному социальному форуму, на сегодняшний день единственному международному движе-

нию, которое противостоит глобальному статус-кво. Однако ВСФ после впечатляющего широкомасштабного и стремительного старта сейчас, похоже, выдохся. Неудивительно, что Форум, не обладая ничем, подобным организованности и дисциплине Коминтерна, за которым стояли ресурсы (и перегибы) крупной державы, практически не в состоянии поддерживать зачаточные и хаотичные движения протеста на шести континентах. Более странным оказалось то, что мощная волна демонстраций против неминуемого вторжения в Ирак не вдохнула в него второго дыхания, отчасти вследствие несерьезности практически всей этой оппозиции, у которой почти не осталось последователей после того, как оккупация состоялась, но отчасти вследствие неготовности самого ВСФ преодолеть свою первоначальную культуру, позаимствованную у неправительственных организаций, и принять более бескомпромиссный антиимпериалистический характер. С учетом этих слабостей, вероятно, не следовало ожидать долгого процветания Форума, который оказался способен лишь на единичную встряску всей системы. Но наследие Форума едва ли исчезнет совершенно бесследно.

2. То, что дело обстоит именно так, можно судить на примере Франции — страны, где и зародилась идея Форума: там в течение года общество сотрясли три крупных социальных вспышки, в каждой из которых имелось нечто от духа Форума. Речь идет о всенародной кампании, заблокировавшей принятие конституции ЕС, о молодежных бунтах в пригородах и о мобилизации масс на борьбу с законом «О первом трудовом контракте» — каждое из этих событий представляло собой мощную демонстрацию коллективного протеста, а первым непосредственно руководил АТТАК, строитель ВСФ. Ни в одной другой стране Европы не наблюдалось протестов сопоставимого масштаба. Однако наряду с тем из этих возмущений так и не выкристаллизовалось какого-либо долговечного движения. Французские избиратели отдали президентскую должность Саркози, который располагает большей властью, чем любой правитель после де Голля, и вручили ему мандат на более последовательную перестройку Франции в неолиберальном духе. Другая европейская страна с наиболее сильными традициями радикализма после 1945 г. и вовсе не может нас ничем утешить. Коалиция Проди, едва не одержав победу над Берлускони, способствовала дальнейшему ослаблению итальянских левых, «Рифондационе» — самозванные продолжатели дела коммунизма — голосовали за фискальную экономию, отправку войск в Афганистан и в Ливан, а последняя мутация бывшей партии Грамши отказалась даже от самого слова «социализм». В Германии недовольство профсоюзов тем, что правительство Шредера урезает расходы на социальное обеспечение, выразилось в тихом разрыве с СДПГ и слиянии с ПДС в единую Левую партию, которая пользуется умеренной популярностью у избирателей — заставляя социал-демократов отступить еще сильнее — но по-прежнему бойкотируется всеми прочими партиями на национальном уровне. Несмотря на обилие признаков социального недовольства по всей Западной Европе, на возобновление серьезных забастовок во Франции и в Германии, на демонстрации в Италии, повестка дня политических

элит повсюду движется, пусть с разной скоростью и с разными побочными издержками, более-менее в одном и том же направлении. Налицо повышение податливости труда — не только Саркози, но и Руаяль призывала вернуться к 35-часовой рабочей неделе во Франции; дальнейший демонтаж государства социального обеспечения — в Германии Меркель принялась за систему здравоохранения; новые приватизации — Проди затеял в Италии реформу местных коммунальных услуг. Да и сам Евросоюз, возглавляемый одним из поджигателей войны в Ираке, управляется в Брюсселе самой неолиберальной Еврокомиссией, какая только была в истории.

3. Пейзаж в Латинской Америке отличается намного большим разнообразием — причем отличается резко. Режим Лулы в Бразилии при взгляде с определенной точки зрения можно назвать крупнейшим разочарованием всемирных левых сил за данный период. Партия труда была последней массовой рабочей партией, возникшей в XX веке — по сути, единственной реально новой партией после Второй мировой войны. Первоначально она представляла собой воинствующее радикальное, ни в коей мере не социал-демократическое движение, порожденное всенародной борьбой против военной диктатуры. Однако партия, придя к власти в крупнейшей стране континента после восьмилетнего правления обличавшейся ею неолиберальной администрации, не сумела порвать с той же самой ортодоксальностью, в результате чего от ее политики больше всего выиграли банки и финансовые институты. Ни один фондовый рынок в мире не испытал такого стремительного взлета, как биржа в Сан-Паулу, размах деятельности которой за 5 лет увеличился на 900 процентов. С другой стороны, новый режим не был простым клоном своего предшественника, поскольку он распределял часть средств, полученных от повышения мировых цен на потребительские товары — позволившего создать новые рабочие места — среди самых обездоленных семей, снизив масштабы крайней бедности в Бразилии, хотя та по-прежнему страдает от социального неравенства. Эти меры слегка смягчили участь бедных, но ни в коей мере не побудили их к действию. Они представляют собой, возможно, наиболее поразительный современный пример того варианта, который преобладал в девяностые годы на севере — «компенсационный» неолиберализм вместо «дисциплинирующего»; линия Клинтона и Блэра взамен линии Тэтчер и Рейгана[9] — но в южном варианте, с различиями, создаваемыми континен-

ЕВРОСОЮЗ, ВОЗГЛАВЛЯЕМЫЙ ОДНИМ ИЗ ПОДЖИГАТЕЛЕЙ ВОЙНЫ В ИРАКЕ, УПРАВЛЯЕТСЯ В БРЮССЕЛЕ САМОЙ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ЕВРОКОМИССИЕЙ, КАКАЯ ТОЛЬКО БЫЛА В ИСТОРИИ

9 Об этом различии см. проницательное эссе Stephen Gill, 'A Neo-Gramscian Approach

тальным контекстом. Как Перон добился куда большего перераспределения доходов в пользу трудящихся, нежели какое-либо социал-демократическое правительство в послевоенной Европе, так и Лула осуществил тропический вариант компенсаций, оказавшийся значительно более действенным, чем какая-либо столичная версия «третьего пути».

4. В странах Южного конуса тон задают правительства аналогичной направленности: уругвайский и чилийский режимы действуют более робко, чем бразильский, аргентинский более смело, пусть даже оставляя себе меньше пространства для экономических маневров. Повышение цен на сырье создает во всех этих странах благоприятные условия для умеренных социальных реформ. На севере пейзаж значительно более поляризован. Президентство Чавеса в Венесуэле, опиравшееся на мощную серию народных мобилизаций в поддержку радикально-перераспределительного, антиимпериалистического режима, служило маяком для левых в Латинской Америке и в других частях света, преодолевая многократные попытки его свержения, пока не перехитрило само себя на плебисците. Условием его популярности, однако, служила ситуация на нефтяном рынке: сперва падение цен при прежней олигархии, которое привело Чавеса к власти, а затем их взлет в новом столетии, позволяющий президенту оставаться на плаву. Также и в Боливии неподдельно радикальное движение зародилось в обществе, представлявшем собой один из ранних испытательных полигонов шоковой терапии, на волне ее неудачи, которая в конечном счете привела к мобилизации масс и пробудила движение коренных народов. Похожим образом события развиваются и в Эквадоре. Со своей стороны Куба, впервые с 60-х годов вышедшая из изоляции, содействует этим процессам в андских странах и сама получает от них содействие. Однако поражение Хумалы в Перу, второй президентский срок Урибе в Колумбии и укрепление власти Кальдерона в Мексике на данный момент поставили предел дальнейшему развитию этих тенденций. В политическом плане Латинская Америка остается самым изменчивым и обнадеживающим из всех континентов. Но хотя здесь не наблюдается такого же смыкания политического горизонта, как в Европе, создается впечатление, что только исключительные условия — огромные нефтяные прибыли, сосредоточение индейского населения — позволят пробить брешь в разнообразных латиноамериканских вариантах политической респектабельности на местный манер.

5. А что же остальной мир? В Соединенных Штатах, вопреки послевоенному шаблону, межпартийный конфликт и идеологические трения приобретают гораздо большую интенсивность по сравнению с Европой. По большей части это связано с шизофренической американской системой ценностей — культурой, сочетающей самую безудержную коммерциализацию

to European Integration', in Alan Cafruny and Magnus Ryner, eds, *A Ruined Fortress? Neo-Liberal Hegemony and Transformation in Europe*, Lanham 2003.

жизни с самой благочестивой ее сакрализацией: «либеральное» и «консервативное» направления доходят здесь до равных крайностей, но едва ли могут быть как-то использованы в борьбе с капиталом. Война в Ираке вызвала беспокойное брожение в низовых слоях демократов, что может стать несущественным препятствием на пути клинтоновской реставрации, которая иначе прошла бы абсолютно спокойно, и придать ей чуть более приметный характер. На мелкую группу американских левых, отчасти перекрывающуюся этой средой, президентство Буша оказало неоднозначное воздействие — с одной стороны, политически гальванизировав ее, а с другой — ослабив ее и без того врожденно хрупкую оборону, препятствующую ей упасть в объятия демократов, чьи ведущие кандидаты ясно дали понять о своем нежелании выводить войска из Ирака и готовности рассмотреть вопрос войны с Ираном. Но если кризис в ипотеке и на рынке жилья углубится, то недовольство двумя десятилетиями усиления социального неравенства, уже достаточно явное, несомненно, не позволит демократам проводить активную внешнюю политику, заставив их уделить более пристальное внимание исправлению ситуации внутри страны.

6. Что касается России, то в ней, похоже, вскоре вовсе не остается какой-либо оппозиции существующему режиму. Новые избирательные законы призваны нейтрализовать остатки и либералов, и коммунистов. При Ельцине катастрофическое обнищание обширных слоев населения не приводило к каким-либо социальным протестам. Сегодня, даже если огромное количество людей по-прежнему живет в бедности, общее повышение уровня жизни при Путине оказалось весьма существенным, благодаря чему его правление пользуется широкой поддержкой. Единственной очевидной ахиллесовой пятой режима остается Чечня: повстанческое движение там обезглавлено, но власть клана перебежчиков — это такой механизм, который в любой момент может взорваться в руках. Национальную идентичность искоренить не так-то просто. Что же до Японии, где ЛДП по-прежнему вяло удерживается в седле, две основные партии еще меньше отличаются друг от друга, чем в Америке; Японская социалистическая партия вымерла, Японская коммунистическая партия влачит растительное существование в гетто. Нет другой развитой капиталистической страны, в которой бы политическая система настолько окаменела.

7. Индия представляет собой полную противоположность: постоянные смены правительства, электоральная нестабильность, массовые протесты, крупномасштабные забастовки, сельские волнения (не говоря уже о религиозных погромах). В настоящее время правление Национального конгресса в Дели зависит от терпимости парламентариев-коммунистов, что ограничивает возможности для неолиберальных маневров в центре. В Западной Бенгалии Индийская компартия была переизбрана в шестой раз подряд — впечатляющее достижение для любой партии в любой стране мира. Но после проведения земельной реформы на селе, в отличие от прочих регионов Индии, ИКП при новом лидере ориентируется на дружбу с бизнесом, изме-

нив законы о налогах и подавляя протесты крестьян и профсоюзов, выступающих против иностранных инвестиций — хотя ей еще есть куда разворачиваться по сравнению с другой основной компартией капиталистического мира, пережившей Холодную войну — Южно-Африканской коммунистической партией, уютно устроившейся при режиме АНК, представляющем собой трагический африканский придаток к Бразилии. В многочисленной и живой индийской интеллигенции сохраняется значительное марксистское крыло, ни в коем случае не раболепствующее перед левым официозом; одновременно с этим в длинном вертикальном поясе, протянувшемся от Непала, где маоистское восстание едва не свергло феодальную монархию, возродившееся движение наксалитов контролирует сельскую местность. Размеры Индии таковы, что все эти изъявления сопротивления сосуществуют со стабильным и все более неолиберальным государством. Но политическое окружение там обладает намного большей открытостью, чем где-либо в мире за пределами Латинской Америки.

8. Китай в отношении каких-либо коллективных действий остается безжалостным репрессивным режимом; крестьянские протесты — против экспроприации земель, чиновного гангстеризма, деградации окружающей среды — ежегодно подавляются в этой стране тысячами, причем все более кроваво. Власти, встревоженные уровнем сельских волнений, пошли на фискальные уступки крестьянству, в то же время вскармливая спецназ для борьбы с восстаниями. За исключением отдельных шахтерских городков, города в целом пока что остаются намного более спокойным местом, чем село. Те трудовые конфликты, которые чиновникам и работодателям не удается задушить сразу, как правило, рассматриваются в суде. Правительство старается заручиться широкой поддержкой, принимая меры по обеспечению стремительного роста экономики и раздувая националистические настроения; ему не доверяют, но одновременно с тем пассивно признают его легитимность. Большая часть интеллигенции — традиционно влиятельного фактора в китайском обществе — разочарована; она либо в либеральном ключе критикует отсутствие политических свобод, либо, исходя из социальной точки зрения, выражает обеспокоенность рывком к опасно поляризованной экономической системе. Недавно возникшие в Китае «новые левые» — одно из самых многообещающих явлений за первые годы столетия — находятся под пристальным надзором режима.

9. Подведем итоги: последние годы стали свидетелями ряда зрелищных проявлений народной воли — ВСФ в 2001–2002 гг., в Венесуэле в 2002–2003 гг., в Боливии в 2004 г., во Франции в 2005 г. — и разрозненных вспышек сопротивления в разных регионах, но общей тенденцией этого периода стало дальнейшее сползание вправо: новый «концерт держав» все более консолидируется, арабская улица по-прежнему парализована, а императивы финансовых рынков во все большей степени выдаются за непременные условия социального существования — от Европы до Восточной Азии, от Латинской

Америки до Южной Африки, от Австралии до отдаленных островков Микронезии. Практически повсюду базовым учебником властей остаются неолиберальные доктрины, авторы которых, как правило, заигрывают с теми или иными «социальными» вопросами: даже республиканцы в США согласились поднять уровень минимальной зарплаты; Путин увеличил пенсии; Китайская компартия отменила барщину на селе. В народном сознании укореняется убеждение, что этим доктринам нет альтернативы. В крайнем случае, как во Франции, тех чиновников, которые проводят их в жизнь, регулярно прокатывают на выборах, лишь для того, чтобы избрать новых правителей, которые с неизменным постоянством продолжают прежний курс. В этой умиротворенной вселенной призыв «Другой мир возможен!» звучит все более безнадежно. Что нам предлагается в качестве стратегических альтернатив, если не считать нормативных абстракций (таких как ваучерный социализм Ремера) или местной анестезии (налог Тобина или движение «Юбилей»)? Наиболее вероятными кандидатурами являются такие предложения, как «Глобальные пенсии» Робина Блэкберна или «Евростипендии» Филиппа Шмиттера[10], которые призваны развернуть проблемы пенсионного кризиса и ЕАП — главную головную боль истеблишмента — в неожиданно радикальном и перспективном направлении. Но подобные хитроумные схемы — большая редкость. Что еще заслуживает упоминания? Экспериментализм Роберто Унгера в более возвышенном ключе предлагает ряд способов повышения субъективных полномочий[11], недвусмысленной предпосылкой которых является отсутствие какой-либо потребности в объективных кризисах системы, которые в прошлом становились причиной радикальных или революционных движений, и снижение вероятности таких кризисов.

10. Однако ценность этого предположения — экономическая, социальная и экологическая — состоит в том, что оно с большой вероятностью окажется ключом, открывающим дверь в будущее. Возможно, читателей «Экономики глобальной турбулентности», «Планеты трущоб» или «Чудовища у нашей двери» не удастся так легко убедить. В конечном счете самые уязвимые точки системы лежат в трех сферах, которые Поланьи назвал еще шестьдесят лет назад: это труд, природа и деньги. По его представлениям они образуют тройку «фиктивных товаров», создаваемых капиталом, поскольку хоть и являются предметом обмена на рынках, но не произведены специально для продажи. «Труд — всего лишь иное название для человеческой деятельности, сопутствующей самой жизни, которая также не производится на продажу, но по совершенно иным причинам; земля — всего лишь иное название для природы, которая не создана человеком; реальные деньги — всего лишь

10 См. соответственно: Robin Blackburn, 'Plan for a Global Pension', nlr 47, Sept — Oct 2007, pp. 71–92; и Philippe Schmitter, *How to Democratize the European Union... and Why Bother?*, Lanham 2000, pp. 44–6.

11 Из самых недавних публикаций см.: Roberto Unger, *What Should the Left Propose?*, London and New York 2006; и по поводу кризисов: *False Necessity*, London and New York 2004, pp. 540–6.

символ покупательной способности, которая, как правило, вовсе не создается, а появляется на свет через механизм банковского дела или социального финансирования». Но как только эти фикции становятся самодовлеющими, они способны уничтожить любое стабильное социальное существование. Лишенные какого-либо защитного прикрытия и низведенные к статусу голого товара «люди гибнут от последствий социальной незащищенности; они умирают, становясь жертвами острой социальной дислокации»; «природа распадается на отдельные элементы, окружающие пейзажи оскверняются, реки загажены, военная безопасность подвергается угрозе, способность производить сырье и продовольствие уничтожается»; в то же время «и нехватка, и излишек денег становятся для бизнеса такими же катастрофами, как в примитивном обществе — засухи и наводнения»[12].

Поланьи, полагавший, что «ни одно общество не сможет выдержать последствий такой системы даже за самый короткий отрезок времени, если только его человеческое и природное существование, как и деловая организация, не будут защищены от работы этой сатанинской мельницы», надеялся на возрождение изначальных стремлений к реформам, которые, по его мнению, были пресечены в XIX веке. Происходившая с 80-х годов «великая трансформация» шла в противоположном направлении. А что же самодовлеющие фикции? Труд, находящийся в распоряжении капитала, преумножался невиданными доселе темпами. В 1980 г. глобальная рабочая сила в капиталистической экономике насчитывала немногим менее миллиарда человек, увеличившись к 2000 г. до полутора миллиардов без малого. Однако к тому моменту Китай, бывший Советский Союз и Индия прибавили чуть большее число рабочих рук к общей численности рабочих, нанятых капиталом. Это произошедшее за несколько лет удвоение мирового рабочего класса до 3 миллиардов человек, осуществлявшееся в не менее суровых условиях, чем в начале XIX века, представляет собой важнейшее структурное изменение данного периода. Его долговременные последствия еще дадут о себе знать. Однако в краткосрочном плане это скорее актив капитала, а не угроза для него, так как острая конкуренция на рынке труда ослабляет способность последнего к ведению торга, снижая глобальное соотношение капитала к труду — согласно наиболее авторитетной оценке, на 55–60 процентов[13]. На этом фронте система в данный момент выглядит достаточно прочной, судя по инвентарю тех средств, которыми распоряжается оппозиция.

Природа остается более непредсказуемым фактором. Если в оценке ее потенциальной опасности для стабильности системы в настоящее время существует консенсус, то степень близости конкретных угроз остается менее

12 Polanyi, *The Great Transformation*, London 1944, pp. 72–3. Русский перевод: Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.

13 Об этой оценке см.: Richard Freeman, 'What Really Ails Europe (and America): the Doubling of the Global Workforce', *The Globalist*, 3 June 2005. Фримен, ведущий гарвардский экономист, руководит Программой изучения труда при Национальном бюро экономических исследований.

ясной, а меры по их предотвращению продолжают служить предметом спора. Очевидно, что весьма высока вероятность системного шока, способного обесценить все прогнозы на будущее. Чернобыль был лишь небольшим намеком на возможные последствия рукотворного бедствия. Все больше опасений вызывают возможные экологические катастрофы всепланетного масштаба, но этим страхам так и не удалось объединить различные государства в каких-либо общих программах по их предотвращению. Капитал, объединившийся против труда, остается разобщенным перед лицом природы, так как конкурирующие компании и государства пытаются переложить бремя ее умиротворения друг на друга. В конце концов логика совместных действий скорее всего возьмет верх, и в этом смысле система, несомненно, предпримет какие-то шаги против выбросов углекислого газа, повышения уровня моря, обезлесения, нехватки воды, неоэпидемий и прочего — в принципе. На практике же нет никаких гарантий того, что это удастся ей в рамках отпущенного нам времени. На этом фронте благодушие уже совсем не обосновано: грядущие конфликты по поводу того, кому оплачивать счет за очистку Земли, могут оказаться ближайшим аналогом прежних межимпериалистических антагонизмов, которые в свое время вывели систему из равновесия.

По всей вероятности, самым слабым звеном, по крайней мере в осязаемом будущем, остаются деньги. Расстройство глобального финансового порядка вследствие того, что Соединенные Штаты по-прежнему живут с колоссальным торговым дефицитом, Китай и Япония накопили гигантские запасы долларов, а Европа страдает от дешевого азиатского импорта и обесценивания американской валюты, представляет сейчас главную пищу для тревожных комментариев в мировой деловой прессе. Слепая экспансия кредитов надувает пузыри жилищного кредитования в одной ведущей капиталистической экономике вслед за другой — в США, Великобритании, Испании, Ирландии, Австралии, — в то время как те экономики, которые пока что без этого обходятся — например, немецкая — запутались в лабиринтах секуритизации. Обрушения рынков капитала до сих пор не случилось лишь благодаря механизмам межгосударственной координации, которые развивались с 70-х годов под эгидой «большой восьмерки», и недавним неформальным договоренностям между центральными банками. Но все сходятся на том, что скорость этих явлений и вероятность финансовых кризисов просто колоссальны. В любом случае, за водоворотом денег — самого изменчивого выражения реальной экономики — скрываются происходящие в ней грандиозные тектонические сдвиги. Очевиден нерешенный вопрос: если еще до выхода Китая и Индии на мировые рынки многие ведущие отрасли экономики страдали от перепроизводства, то сможет ли воплощенная в этих странах экспансия глобального спроса перевесить потенциал дальнейшего перепроизводства, которое они несут с собой, или же один из этих факторов настолько превысит другой, что вызовет сильнейшие напряжения в системе как таковой? Каким бы ни был ответ, в краткосрочной перспективе денежная сфера представляется наиболее вероятным кандидатом на провоцирование такой нестабильности, какая ожидает нас в будущем.

IV. ОПТИМИЗМ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ?

За исключением подобных соображений, вышеприведенный беглый обзор ограничен кратким промежутком времени, не превышающим семи лет, и носит чисто поверхностный характер. Но если воспользоваться более дальнозоркой оптикой, то, может быть, удастся выявить более глубинные явления, приводящие нас к иным политическим выводам? Не менее четырех альтернативных прочтений эпохи, а их может быть и больше, приводят нас к значительно более оптимистичным диагнозам тех направлений, в которых движется мир. Три из них восходят еще к началу или середине девяностых, но получили дальнейшее развитие после 11 сентября. Самый известный из этих прогнозов, конечно, находится в книге Хардта и Негри «Империя», на которую ссылаются — одновременно и одобрительно, и критически — все три прочих автора. Вторую перспективу задают «Лики национализма» Тома Нейрна и готовящиеся к изданию «Глобальные нации» того же автора. Третью перспективу — «Долгий двадцатый век» и «Адам Смит в Пекине» Джованни Арриги. Четвертое направление представляют недавние эссе Малькольма Балла, ключевым среди которых являются «Государства-неудачники». Любые размышления о текущем периоде должны серьезно учитывать то, что на первый взгляд может показаться его контринтуитивным прочтением.

1. Теория Тома Нейрна приблизительно сводится к следующему. Маркс-*изм* всегда был основан на искаженных идеях самого Маркса, оформившихся во время рейнландской демократической борьбы 1840-х гг. Маркс предполагал, что социализм возможен очень нескоро, лишь после того, как капитализм закончит свою работу по построению всемирного рынка, однако нетерпение и масс, и интеллектуалов привело к фатальным спрямлениям пути, над чем потрудились Ленин и Мао; при этом демократия и экономический рост оказались подменены государственной властью. В результате река всемирной истории угодила в болото современных средних веков. Однако крах советской коммунистической системы в 1989 г. позволил реке возобновить течение к ее естественной дельте — к современной глобализации. Ведь ключевым смыслом глобализации является распространение демократии по всему земному шару — осуществление мечтаний 1848 года, при жизни Маркса развеянных в прах. Впрочем, сам Маркс тоже допустил решающую ошибку, полагая, что носителем исторического освобождения станет социальный класс в лице пролетариата. На самом деле, как уже продемонстрировали европейские события 1848 г. и подтвердил весь ход XX века, движущими силами истории и носителями демократической революции, за которую сражался Маркс, являются нации, а не классы.

Но как маркс-*изм* привел к построению поддельной демократии, так и национальность с течением времени оказалась в плену у национал-*изма* — то есть у великих империалистических держав, что произошло в период после американской гражданской войны и франко-прусской войны. Одна-

ко во второй половине XX века деколонизация Третьего мира и декоммунизация Второго мира в потенциале позволила нациям, лишенным национализма, занять причитающееся им место под солнцем — при том, что такие нации представляют собой единственные возможные рамки «для всеобщего распространения и углубления демократии как необходимой предпосылки любых социальных форм, которые может принести нам расстилающийся впереди океан»[14]. Проснувшийся после 11 сентября американский великодержавный национализм и неолиберальная экономания временно пресекли прогрессивный импульс глобализации. Однако тот совсем не подталкивает нас к какому-либо рыночному единообразию. Напротив, его глубинная логика требует разнообразия демократических наций как антропологической необходимости, создающей возможность для выносимого человеческого существования — под страхом уничтожения границ, несовместимого с какой-либо идентичностью. В предполагаемом конце истории нас не подстерегает никакая социальная или культурная однородность. «Нам никуда не деться из стремнин современности».

2. Хардт и Негри согласны с тем, что глобализация по сути представляет собой процесс освобождения, но приходят к диаметрально противоположной точке зрения на роль наций в этом процессе. Они начинают свое исследование еще раньше, с XVI века, когда освободительный дух Ренессанса был задушен контрреволюцией барокко, которая породила абсолютизм как раннюю разновидность современного суверенитета. Это наследие без особых изменений было перенято национальными государствами индустриальной эпохи, и именно его устранение при растворении самих национальных государств в единой и однородной «империи» знаменует рассвет новой эры свободы и равенства. Поворотным пунктом в данном случае стал не крах коммунистической системы в 1989 году — который едва упомянут авторами — а десятилетие 1968–1978 гг., когда антиимпериалистическая победа во Вьетнаме и бунты рабочих, студентов и безработных на Западе вынудили капитализм к перерождению в его современном всеобщем обличье. С возникновением единой Империи классы, как и нации, ожидает отмирание, поскольку капитал порождает все более «нематериальный» труд единиц и не менее универсальное множество. Дни национального освобождения, рабочего класса, революционных авангардов остались в прошлом. Но Империя, созданная сопротивлением снизу, будет повергнута тем же самым сопротивлением, когда по всему лику земли растянутся спонтанные сети оппозиционного движения. Из порождаемых этими сетями всевозможных действий — демонстраций, миграций и восстаний — движимых общим биополитическим стремлением к миру и демократии, со временем вырастет постлиберальный,

14 Tom Nairn, 'History's Postman', *London Review of Books*, 26 January 2006. Другие важнейшие тексты того же автора включают: 'Out of the Cage', 'Make for the Boondocks', 'Democratic Warming' и 'The Enabling Boundary': *lrb*, 24 June 2004, 5 May 2005, 4 August 2005, 18 October 2007, и 'America: Enemy of Globalization', *openDemocracy*, 2003.

постсоциалистический мир. Избавившись от таких мистификаций, как суверенитет или представительное правление, все люди впервые в истории станут хозяевами в мире свободы и равноправия. И произойти это может в любой момент. «Сейчас время расколото между настоящим, которое уже мертво, и будущим, которое уже живо — и зияющая пропасть между ними ширится все сильнее. Рано или поздно какое-либо событие выбросит нас, как стрелу, в это живое будущее»[15].

3. Арриги также начинает свое повествование эпохой Ренессанса, хотя и не с испанского абсолютизма XVI века, а с расцвета генуэзских банков в XIV веке. Форма его рассказа циклична. Капиталистическая экспансия первоначально всегда материальна, представляя собой инвестиции в производство товаров и завоевание рынков. Но когда чрезмерная конкуренция убивает прибыльность, в качестве спасительной лазейки происходит переключение на финансовую экспансию — инвестирование в спекуляции и посредничество. Как только и та, в свою очередь, выдыхается, наступает «время системного хаоса», во время которого конкурирующие территориальные капиталы вступают друг с другом в борьбу через посредство соответствующих государств, выставивших свои армии на поле боя. Государство, выходящее победоносным из этих войн, становится гегемоном всей системы, что позволяет запустить новый цикл материальной экспансии. Подобная гегемония, как правило, влечет за собой новый способ производства, беспрецедентным образом сочетающий капитализм с территориализмом, и способный убедить все прочие государства, что гегемоническая власть «является движущей силой общей экспансии власти всех правящих классов по отношению к их подданным», основанной на широком социальном блоке. Тридцатилетняя война породила голландскую гегемонию (глобальные финансы плюс торговая монополия); наполеоновские войны — британскую гегемонию (глобальные финансы, доминирование в свободной торговле, ранняя фабричная система); обе мировые войны — американскую гегемонию (глобальные финансы, свободная торговля и индустриальные корпорации). А сейчас? Подобно Хардту и Негри, Арриги рассматривает антиимпериалистические и рабочие восстания шестидесятых и семидесятых годов как современный поворотный пункт, который завершает собой цикл послевоенной материальной экспансии и вынуждает капитализм к ускоренной финансовой экспансии. Сейчас этот цикл в свою очередь выдыхается, одновременно с тем, как американская гегемония переживает смертельный кризис в Ираке.

Что же дальше? Мировой труд постепенно набирает силу[16], но особенно важен экономический подъем в Восточной Азии. В начале 90-х гг. Арриги, имея в виду Японию, полагал, что человечество ожидают три возможных

15 Hardt and Negri, *Multitude*, New York 2005, p. 358. Русский перевод: Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.

16 См. Beverly Silver, *Forces of Labor: Workers' Movements and Globalization since 1870*, Cambridge 2003.

варианта будущего: всемирная империя — окончательное утверждение имперской власти США по всему земному шару; общество всемирного рынка, в котором Восточная Азия во главе с Японией станет таким противовесом для США, что никакое единичное государство отныне не сможет проявлять гегемонию; или всеобщие войны — финальная вспышка системного хаоса, способная уничтожить планету. Десятилетием спустя, после еще более многозначительного возвышения Китая, Арриги отказался от первого сценария, оставив только обнадеживающий второй и — увы — катастрофический третий[17]. Возникновение всемирного рыночного общества, уже давно предсказанного Адамом Смитом, означает конец капитализма, поскольку исчезнет взаимосвязь государства и финансов, порожденная определяющим ее межгосударственным соперничеством; результатом станет давно ожидаемое и предвещаемое Арриги равномерное распределение богатств между всеми людьми на Земле.

4. Напротив, Балл начинает с XVII века, с первых откровений вынужденно коллективной интеллигентности, столь отличающихся от сознательной коллективной воли, в политической мысли Спинозы. Эта традиция, от Мандевилля сразу же переходя к Смиту и его невидимой руке рынка, а от него к Стюарту с естественным происхождением власти, в конце концов выливается в общую теорию спонтанного порядка Хайека — возможно, самое серьезное из всех оправданий капитализма. Сегодня она снова всплывает в образе «интеллигентного муравейника» — того множества, о котором пишут Хардт и Негри, противопоставляемого государству, якобы воплощающему в себе народный суверенитет — идею, восходящую к Руссо[18]. Однако та дихотомия, к которой обращаются Хардт и Негри, фактически выражает собой кризис современного посредничества, которое застряло в тисках глобализирующегося рынка и противостоящей ему популистской реакции.

В свое время, считает Балл, Гегель предложил решение этой антиномии. В «Философии права» он выстраивает переход от стихийной интеллигентности гражданского общества — рынка в изображении шотландских теоретиков политэкономии — к упорядоченной воле либерального государства. Сейчас нам требуется реинкарнация этого наследия, демонтированного в начале XX в. всевозможными критиками как правого, так и левого толка. Ведь в промежутке произошла дезинтеграция глобального государства, перекрывающимися воплощениями которого являлись европейская, советская и американская империи: сперва произошла деколонизация, затем декоммунизация, а теперь и гегемония США переживает явный упадок. В таком случае являемся ли мы свидетелями неудержимого наступления глобально-рыночного общества — коллективной интеллигентности, которая лишена

17 Giovanni Arrighi, *Adam Smith in Beijing*: *Lineages of the Twenty-First Century*, London and New York 2007, pp. 7–8.

18 Hardt and Negri, 'The Limits of Multitude', nlr 35, September — October 2005, pp. 19–39; продолжение в: 'States of Failure', nlr 40, July — August 2006. Дальнейшие тексты: 'Vectors of the Biopolitical', nlr 45, May — June 2007, и 'The Catastrophist', *London Review of Books*, 1 November 2007.

коллективной воли? Необязательно. Напротив, энтропия глобального государства могла высвободить диссипативные структуры, выворачивающие гегелевскую формулу наизнанку — происходит не встраивание гражданского общества в государство, а нечто противоположное: воссоздание гражданского общества на потенциально нерыночной основе из распадающегося государства, как было когда-то предсказано Марксом и Грамши.

5. Эти конструкции составляют набор образных предприятий, которые приглашают нас заглянуть за эпифеноменальные приметы нашего времени в соответствии с долговременной логикой тех всемирно-исторических изменений, свидетелями которых мы становимся. Каким бы отдаленным от патины текущих событий может казаться то или иное из них, все они указывают на эмпирические черты нынешнего периода как на доказательства в поддержку своей правоты. С конца восьмидесятых годов представительная демократия распространилась по всему земному шару — от Восточной Европы до Восточной Азии и Южной Африки, — и в перспективе не просматривается ни разворота, ни остановки этого процесса; от Кавказа до Тихого океана зарождаются новые национальные государства, и не изобретена еще никакая форма демократии, которая оказалась бы превыше их. В Сиэтле и Генуе без какого-либо центрального руководства происходит слияние народных движений. Доля Америки во всемирной торговле и производстве снижается. Китай — и Восточная Азия в целом — с большой вероятностью через несколько десятилетий станут центром тяжести глобальной экономики. Важнейшим ответом на экспансию глобализующегося рынка до сих пор действительно являлась популистская реакция.

6. В интеллектуальном плане все четыре версии используют в качестве отправных точек идеи мыслителей, предшествовавших зарождению современного социализма: у Негри это Спиноза, у Арриги — Смит, у Балла — Гегель, у Нейрна — Маркс до Маркса (молодой рейнландский демократ, еще не написавший свой «Манифест»). Все наши авторы имеют итальянские корни, но в некоторой степени могут сказать вслед за Негри: «Я омыл свои одежды в Сене». Это наиболее очевидно в случае Хардта и Нерги, у которых большая часть словаря — планарная Империя, кочевник, биосила — восходит непосредственно к Делезу или Фуко. Но то же самое верно и для Арриги, который заимствует свои представления о капитализме в первую очередь у Броделя. Что касается Нейрна, то антропологические предпосылки современности наиболее смело, пусть и несколько безумно, исследовал Эммануэль Тодд. Последнего мыслителя цитирует Балл, а в описательном плане ближе всех к его вердикту оказывается Сартр. В политическом плане все четыре прогноза сходятся на том, что глобализацию следует приветствовать; она уже принесла нам первый или последний предсмертный хрип американской гегемонии[19].

19 Главным различием между *Империей* и *Множеством* является свержение идола американской республики в последнем случае.

7. Основной водораздел между этими гипотезами пролегает по оси государства. Для Хардта и Негри, Арриги и Балла закат капитала связан с отмиранием государства — национального в первом случае, гегемонического во втором и глобального в третьем. Нейрн же утверждает совершенно противоположное: только полное освобождение национального государства обеспечит всеобщность демократии и гарантирует культурное разнообразие, необходимое для возникновения после кончины неолиберального строя новых социальных форм, которые мы можем лишь воображать.

Вопросы, которые можно задать каждому из этих авторов, вполне очевидны. Нейрну: пусть демократия распространяется по всему земному шару, но разве она при этом не истончается, причем не случайным образом, а в прямой пропорции со своим распространением? Почти все новые национальные государства оказываются слабыми или маргинальными. Пусть априорно должны существовать какие-то антропологические границы, но почему они обязаны быть национальными, а не цивилизационными, региональными, кантональными или иными? Хардту и Негри: не является ли «множество» просто теологической фигурой, как намекает обещанный ею «исход», и не является ли миракулизмом то «событие», которое заменит Империю всеобщей демократией? Арриги: если верно броделевское определение капитализма отнюдь не как торговли или производства, а как сферы высоких финансов, порожденной межгосударственным соперничеством, и не более того, то, следовательно, конец капитализму могут положить лишь всемирная империя или всемирное рыночное общество. Но так ли это? И действительно ли именно против этого с 80-х годов восстает мировое рабочее движение? Баллу: тупиковое положение между глобализующимся рынком и популистской реакцией на него подразумевает, что оба эти феномена обладают равным весом, и ни один не развивается за счет другого; но можно ли так трактовать историю последних двадцати лет? Если нынешняя версия глобального государства (т. е. гегемония США) отмирает, то почему она не переродится в хантингтоновское лоскутное одеяло региональных рыночных держав, границы которых определяются цивилизационными пространствами, вместо глобального гражданского общества, рыночного или нерыночного?

Но все это лишь темы для дальнейших дискуссий. Выдвинутые нами возражения требуют эквивалентного ответа.

Перевод с английского Николая Эдельмана